

Н. Фешин.
Портрет Павла Бенькова, 1923

Беньков и Фешин: параллели

СРЕДИ художников казанского края, которым мы обязаны становлением профессиональной школы живописи в Волжско-Камском регионе (да и в других краях), особое место принадлежит уроженцу Казани – Павлу Петровичу Бенькову (1879–1949).

В 1909 году Павел Беньков вошел в состав преподавателей Казанской художественной школы, основанной Императорской Академией художеств как учебное заведение среднего звена, дающего право поступления в Академию.

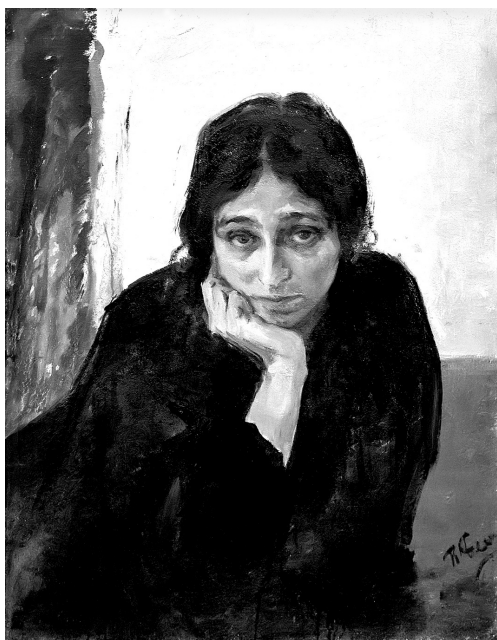
За год до этого в Казань в качестве нового преподавателя Казанской художественной школы вернулся его товарищ – Николай Фешин. С этим уникальным самородком Павлу Бенькову посчастливилось учиться в КХШ в первом потоке с момента

палитра

ХУДОЖНИК ПАВЕЛ БЕНЬКОВ

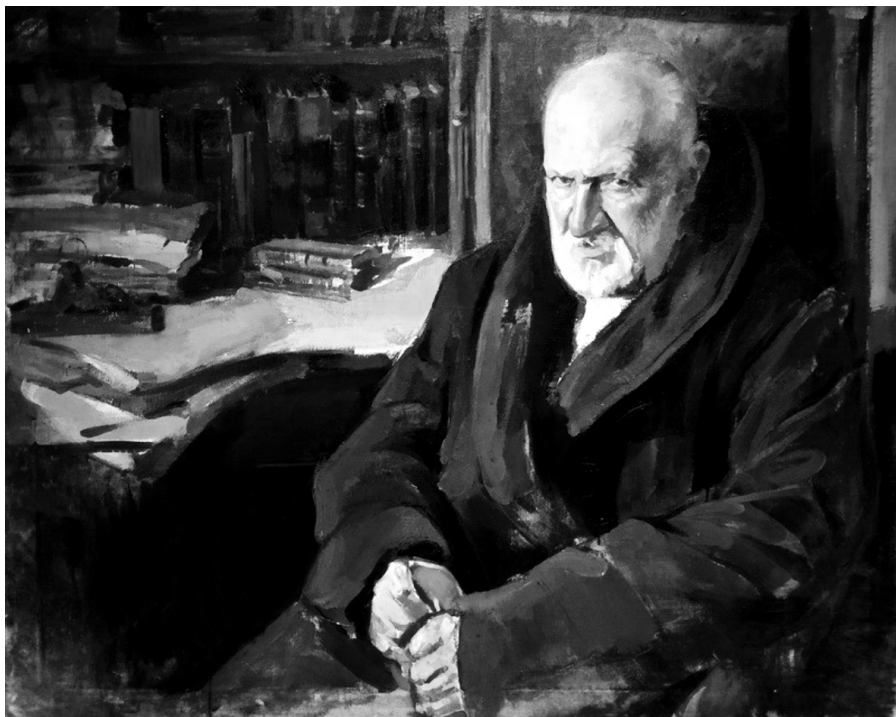
*П. Беньков. Дама в красном
(Портрет актрисы В. Шмулевич),
1914–1915*

*П. Беньков.
Портрет жены. 1925–1926*

её основания в 1895 году. Оба поступили как вольнослушатели, для которых научные предметы не обязательны. Коля их пропускал по слабости здоровья, Паша (который был старше Николая на два года) – не имея прилежания к посторонним занятиям. И оба – ещё и потому, что не имели денег для оплаты полного курса учёбы.

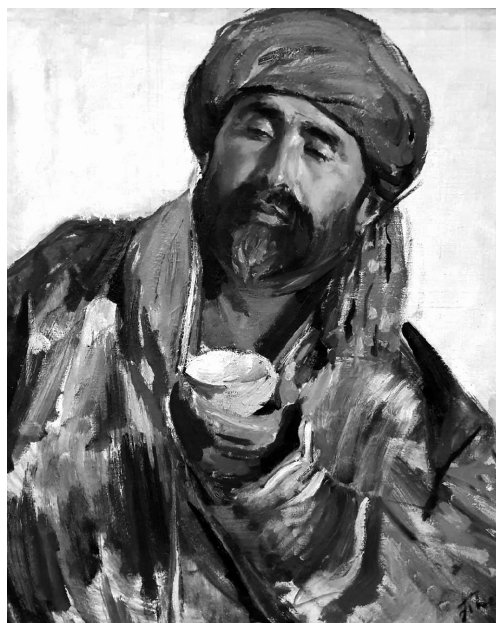
В «Автобиографии» Николай Фешин вспоминал о своей студенческой юности так: «Я остался один в Казани, поскольку начались занятия в художественной школе. Сначала я жил с двумя товарищами – Беньковым и Мазиным. У нас была одна комната в старом нежилом доме в очень неприглядном месте, где люди боязливо оглядывались, проходя через него ночью. Комната была длинной, неприветливой, с обветшалым полом. Мы жили на чае, хлебе и молоке. К счастью, мы только ночевали здесь, пропадая всё время в школе». Фешин и Беньков принадлежали к сословию городских обывателей, обедневших ремесленников. Один – сын краснодеревщика, другой – скорняка. Оба с ранней юности не могли рассчитывать на поддержку своих семей. Оба благодаря дарованию избрали своим поприщем невиданное для простого человека дело – искусство. Устав КХШ позволял учиться здесь людям любого сословия, любого достатка, любой национальности, любого пола. В одном классе с Беньковым и Фешиным училась дворянка Ксения Боратынская – внучка поэта пушкинского круга Евгения Боратынского. «...Я нашла себе товарищей, нашла то общество, которое меня удовлетворяло. Я знакомилась с людьми, училась у них... одним словом, я окунулась в многогранную, интересную жизнь, которой ещё не знала до сих пор», – пишет она в книге «Мои воспоминания». Эти строки позволяют представить себе, насколько прогрессивная среда царил в Казанской художественной школе, поддерживаемая прежде всего её директором, Николаем Николаевичем Бельковичем. Он покровительствовал талантливым подрост-

П. Беньков. Портрет историка П. В. Траубенберга, 1926.

кам из неимущих семей. И педагоги у мальчиков были добротные: помимо Бельковича – Г. А. Медведев, И. А. Денисов, Х. Н. Скорняков и Ю. И. Тиссен (последний руководил гравёрным отделением).

Неизвестно, какой именно депрессивный район города стал пристанищем юных Паши Бенькова, Коли Фешина и Кости Мазина. В Казани были и поэтические уголки, где любили селиться художники – это Кирпично-Заводская улица и её окрестности. Именно там проживали преподаватели и некоторые студенты КХШ: Карл Мюфке, Григорий Медведев, Христофор Скорняков, Павел Радимов... Там впоследствии, после Академии художеств, жил и сам Павел Беньков. Рядом, на Первой Горе* обитал «живописец Иван Денисов, скульптор Василий Семёнович Бо-

*П. Беньков.
Таджик с пиалой, 1928*

* Ныне ул. Ульяновых.

гатырёв в доме Башмакова на Второй Горе*, а на 2-й Солдатской (нынешней ул. Достоевского) жил Николай Иванович Фешин», – сообщает краевед Лев Моисеевич Жаржевский. На Второй Горе проживало и семейство Хлебниковых. Поэт Велимир Хлебников и его сестра Вера брали уроки рисования у П. П. Бенькова, а по некоторым сведениям – и у Фешина**.

На этом параллели в жизни Бенькова и Фешина не заканчиваются. Выпустившись из Казанской художественной школы, они были рекомендованы в Императорскую Академию художеств для поступления без экзаменов, и с разницей в один год стали её студентами. Константин Мазин тоже поступил, что говорит о высоком качестве обучения в КХШ. Беньков успеваемостью не отличался и был оставлен на второй год. Поначалу все занимались у выдающегося анатома и скульптора – Гуго Залемана, который отличался суровостью и крепко спрашивал со своих студентов. В Академии ходила шутка: «Пятёрку Залеман поставит только Господу Богу». По воспоминаниям Фешина, именно Залеману были обязаны познаниями в анатомическом рисунке студенты Академии. Впоследствии испытанные товарищи систематически пересекались в мастерской И. Е. Репина. Павел состоял под началом Дмитрия Кардовского, однако умудрился посещать и занятия у Репина, несмотря на всегдашнюю переполненность мастерской знаменитого мастера.

В те времена студенты часто совмещали учёбу в России с академическими поездками в Европу. Вот и Беньков подолгу пропадал в Италии, Испании, Франции, чем даже вызвал нарекания Академического начальства. Так он пропустил начало учебного периода

в 1905, 1906, 1908 годах. На этот раз академическое начальство отчислило «гастролёра», однако спустя год позволило ему показать выпускную картину («Покорность») на соискание звания художника (ноябрь, 1909). В последний раз Павел Беньков совершил большое путешествие в Европу через Африку и Турцию (1914). Но тогда он был вынужден свернуть поездку в связи с началом Первой мировой войны.

Так же, как и Павел Беньков, Николай Фешин дополнил своё художественное образование поездкой за границу. Но это было не «самостийное» путешествие, а награда за диплом об окончании Академии и за конкурсную работу «Капустница», удостоенную золотой медали.

Роднила друзей и особая приверженность к портретному жанру. Стихия портрета очень соответствовала пластичной и общительной душе Павла Бенькова с его острым зрением наблюдателя. Бенькову было уютно в этом делании.

Как ни пытался Репин навязать своему студенту Николаю Фешину эпический исторический жанр, Фешин жадно стремился к одному – исследованию человека. И стал выдающимся аналитиком и новатором своей эпохи в жанре портрета.

Следующий ряд параллелей в жизни двух больших художников – это их преподавательский путь в КХШ. У обоих были свои методы преподавания, свои преданные ученики; каждый оставил значимый след в истории Казанской художественной школы; обоих после революции непримиримо теснили сторонники авангардизма; и оба вынуждены были покинуть и Школу, и любимую Родину. Николай Фешин в 1923 году эмигрировал в США. Павел Беньков в 1930-м укрылся, образно говоря, «во внутренней Монголии» страны Советов – в Узбекистане. Именно там переживали период культа личности и массовых репрессий многие представители интеллигенции. Перед

* Ныне ул. Волкова.

** Хлебниковы жили в доме № 59 по ул. Калинина и в д. № 46 по ул. Волкова с 1898 по 1908 год.

отъездом Фешина старые товарищи обменялись портретами: Фешин писал Бенькова, Беньков – Фешина. Судьба второго портрета сегодня неизвестна, а вот небольшой этюд кисти Николая Фешина пережил грозные времена и обитает в Третьяковской галерее.

Если касаться личной жизни наших товарищей, то и здесь есть параллели: оба связали свою жизнь со своими ученицами. Беньков с Ольгой Петровной Траубенберг, Фешин – с Александрой Николаевной Белькович. Их семья скрепило искусство, наставничество, авторитет и человеческая дружба.

Весьма характерным штрихом времени является тот факт, что дворянские семьи позволили своей молодёжи вступить в брак с лицами низкого сословия, что автоматически лишало их сословных привилегий. Вспомним, что и Ксения Баратынская, и первый директор КХШ Николай Белькович не побоялись выбрать себе пару из крестьянского сословия. И это не единственные примеры упразднения косного деления общества на людей разного сорта. Казань, действительно, была передовым городом, с искренним и мыслящим населением, лучшие представители которого без насилия двигались к обновлению общества, в том числе и посредством гуманистического образования и искусства.

У обоих художников имелся опыт сотрудничества с театром. В Петербурге увлекающийся Павел Беньков в 1907–1908 годах был очарован миром кулис и даже женился на балерине Л. А. Тарасевич, с которой, однако, скоро разошёлся. Беньков неоднократно писал актрис. Ещё чаще обращался в течение жизни к миру сцены и кино Николай Фешин. И тот и другой смолоту создавали проекты афиш, декораций, костюмов, разрабатывали сценографию спектаклей. Жаль, что эта часть наследия обоих почти не уцелела – такова участь сценографии как искусства. Впрочем, три замечательных по динамике фешинских эскиза к опере «Кармен» по-

становки 1918–1919 годов и четыре эскиза задника 1921 года для Рабоче-крестьянского театра приводятся в каталоге «Николай Фешин. Из музейных и частных собраний России. К 140-летию со дня рождения художника».

После Октябрьского переворота 1917 года и Беньков, и Фешин имели нарекания от власти в «безыдейности» своего творчества. Они служили задачам искусства, а не идеологии репрессивной машины нового государства. Хотя Фешин состоял в Товариществе передвижников, а Беньков стал членом Ассоциации художников революционной России, оба продвигали станковую композицию как жанр, и подозрения в буржуазности с них не были сняты – ну не доверяла власть рабочих и крестьян «чистому искусству»! Да и дворянское происхождение их жён делало этих двоих отщепенцами. Впоследствии родственники обеих женщин подверглись репрессиям.

Удивительно всё же то, что вторая половина жизни у обоих художников, вопреки всему, была озарена ярким солнцем и в буквальном, и в фигуральном смысле – украшена новыми человеческими типами, экзотическими красками других этносов и культур, что дало новый мощный импульс творчеству этих мастеров. Тем ни менее приходится признать: часть творческого наследия казанских новаторов оказалась утрачена, осев в частных коллекциях по обе стороны океана. Несколько картин Бенькова было приобретено в его европейских путешествиях, часть исчезла в период революционного лихолетья. Ещё больше утрат в наследии Фешина.

В 2019 году Московский Музей русского импрессионизма устроил совместную выставку двух братьев по удачам и испытаниям. Выставка «Место под солнцем» была приурочена к 140-летию Павла Петровича Бенькова, впервые за много лет приоткрыв завесу забвения над утраченной «Атлантидой» искусства нашего соотечественника.

Между Европой и Азией

В Чувашском художественном музее хранится удивительное полотно: портрет актрисы В. Шмулевич. Откинув голову, точно держа напряжённую паузу, загадочная Карменсита искоса смотрит на своего *vis-à-vis*. Магнетический взор с поволокой и многозначительная ироническая улыбка контрастируют с трагическим посылом портрета. Рубиновая шаль оттеняет полупрозрачную белизну блузы и бриллианты в причёске. Фарфоровая нежность кожи и волевой ястребиный профиль римлянки усиливают сложность характера этой отстранённой и провокативной натуры.

Эта эксцентричная портретная работа принадлежит кисти казанского экспрессиониста Павла Бенькова – почитателя Репина, нелюбимого ученика Дмитрия Кардовского и верного соратника Николая Фешина по Казанской художественной школе и Императорской Академии художеств.

Павел Беньков создал целую галерею образов своих современников. Это обворожительно тонкие по живописным достоинствам и отменные по психологической точности произведения: «Портрет жены» (1926), «Портрет Т. А. Поповой» (1910–1920), «Портрет Т. А. Фирсовой» (1927), Большой глубиной отличаются «Портрет старого грека», «Портрет историка Петра Викторovichа Траубенберга» (1926).

Этот суровый старик приходился отцом супруги Павла Бенькова – Ольги. Вся жизнь Траубенберга была посвящена науке и преподавательской работе в разных учебных заведениях Казани. С 1885 по 1915 год он занимал должность хранителя Музея этнографии, древностей и изящных искусств при Казанском университете. (Сведения о П. В. Траубенберге сохранились отрывочные, небольшая справка приведена на сайте КФУ.)

Особое место в творчестве Павла Бенькова занимает «Портрет писателя Галимджана Ибрагимова», написан-

ный по настоянию Баки Урманче в 1926 году. Художник создал классически неоднозначный облик интеллектуала и многогранного человека с огромным потенциалом новатора, терзаемого внутренними противоречиями и сознанием трагичности эпохи.

Возможно, самым виртуозным и психологически острым после образа татарского писателя является «Портрет татарки», написанный в Казани. Можно предположить, что здесь изображена девушка, посватанная против её воли. Это полотно – подлинная жемчужина коллекции Ташкентского Государственного музея истории Узбекистана.

В стилистике этого полотна воплощён «фирменный» художественный стиль Казанской художественной школы, порождённый творческим импульсом Фешина и его товарища по искусству Бенькова, – тот стиль, которым вдохновлялись несколько поколений студентов Казанской художественной школы и после ухода двух знаменитых её педагогов.

«Портрет татарки» написан в ключе русской психологической портретной школы рубежа XIX–XX веков, вершиной которой является наследие Валентина Серова. Пример русского импрессионизма и ориентализма, это полотно Бенькова выдержит соседство с любым классиком европейского и русского модернизма, не уступая им ни в виртуозности, ни в психологической разработке характера портретируемой.

Действительно, наиболее ярко дар Павла Бенькова выразился в импрессионизме, а ориентализм сыграл в жизни художника свою роль: ведь родился он и прожил большую часть жизни в Казани – в этом «котле народов», а затем перебрался в Узбекистан, где и начался следующий большой период его творчества. Средняя Азия стала второй родиной художника, здесь возникла ещё одна школа учеников Бенькова после Казанской художественной школы, здесь в творчестве узбекских художников нашла продолжение характерная манера Бенькова, соединившая

реализм с экспрессией, любовь к солнечной палитре и звучным цветовым аккордам – с негромкой нежностью и зоркостью взгляда. Во всем этом продолжается традиция русской живописной школы, в том числе пейзажной, нашедшая новое воплощение в России послереволюционной, когда очень многое в искусстве подверглось переоценке и уничижению.

В лучших произведениях портретного жанра раннего Бенькова звучат меланхоличные мотивы Борисова-Мусатова. Таков портрет студентки КХШ Тамары Поповой – воплощение женского образа Серебряного века, и пронзительный «Портрет жены художника». Во втором же, среднеазиатском, этапе творчества Бенькова расцветает и царит экваториальное солнце. Ориентальная тема роднит наследие Бенькова с экзотическими сериями работ художников Верещагина, Яковлева, Петрова-Водкина, с мароканскими мотивами Серебряковой. Импрессионистические полотна Бенькова «Подруги», «Девушка с дутаром», «Девушка-хивинка», «Узбечки» тяготеют к жанровой композиции в пейзаже, по-новому представляя возможности портретного жанра.

После самого первого приезда в Узбекистан в 1928-м художник напишет свой портрет-манифест «Таджик с палой», поражающий насыщенностью психологизма и колористической тонкостью. Затем – экзотический образ, точно сошедший с театральной сцены – «Эмирский сановник» (1929). Образ Веласкесовых* прях получает продолжение в картине «Девушка-хивинка». Все эти работы отмечены пастозной размашистой манерой в стиле «нон-финито», которая с конца XIX века царит в Европе (мы видим эту манеру, например, в работах таких мастеров, как Сарджент, Болдини и Цорн). Этот щегольской при-

ём является визитной карточкой многих учеников Ильи Репина. И если вспомнить, что студентом Беньков украдкой навещал мастерскую Ильи Ефимовича, станет ясно, как сформировался у Бенькова его узнаваемый приём: обобщённое письмо, портрет как лаконичный цельный образ, корпусно обозначенный широкой кистью.

По большей части колористическая гамма полотен Казанского периода Бенькова тонка и аскетична. Сдержанный аристократизм цветового решения соединяется с классическим психологизмом школы русского портрета. Однако в отдельных картинах резким диссонансом проявляются прямолинейные натурные цветовые аккорды – душа Бенькова подспудно протестовала против «голодной» аскезы цвета. После переезда на юг лучезарная феерия, пёстрая экзотика Средней Азии берет своё: палитра Бенькова становится всё более звучной, а вот линия теряет точность, словно вследствие солнечного удара. Павел Беньков приобретает более простодушную, небрежную манеру, которую неискушённый обыватель склонен называть «мазнёй». В его творчестве начинают преобладать атмосферные пленэрные композиции, погружающие зрителя в сомнамбулическое состояние грёз – они будто воспроизводят дремотные видения кальянца в тени у спящего арыка («Самарканд, акации», «У водоёма»). Кисть Бенькова, обретшая детскую простоту и наивность, уже не вернётся к своей строгой точности, какой она отличалась в Казанский период.

Придёт черёд совсем другим картинам: появятся «Хауз** с водоносами (Ляби-хауз)» 1929 года (собрание Государственного музея Востока); «Портрет колхозника-ударника», отмеченный премией на республиканском конкурсе «Герои народных строек»; почти

* Диего Веласкес – великий испанский художник XVII в., развивший жанр психологического портрета.

** Хауз – искусственный водоём для питьевой воды.

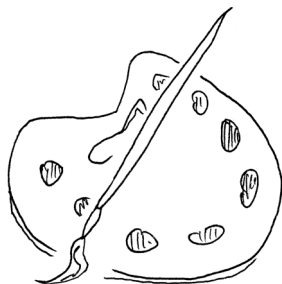
Сислеевский* «Сад весной» (1942); архитектурный этюд «Художники в Шахи-Зинда» (1943) и много других картин. Звонкие фрагменты Исфаханской мозаики, представшие в оптике соцреалистической эстетики... И жаль, что в конце концов эта эстетика возобладала над духом Серебряного века, жизнеутверждающая тема «хомо советикуса» вытеснила глубину и неподдельность дореволюционной свободы.

Обращает на себя глубокое внимание «Портрет художницы Зинаиды Ковалевской» (1945), ученицы Бенькова, последовавшей за ним в Среднюю Азию, мастера бытового жанра, педагога. Она вместе со своим учителем стояла у истоков изобразительного искусства Узбекистана.

С 1930 года, в течение девятнадцати лет Павел Петрович руководит Самаркандским художественным училищем. Член Ассоциации художников революционной России (1922), он в духе времени насаждает в своём восточном цветнике идеи общественного

служения. В 1938 году Павлу Петровичу присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Узбекистана. Многие живописцы Узбекистана вышли из его мастерской. После смерти художника училище претерпело реорганизацию и переехало в Ташкент. Ему присвоили новое название: «Республиканское художественное училище имени П. П. Бенькова». Однако земная память недолговечна – сегодня училище больше не носит имя своего главы**, давно переименовали и улицу в Самарканде, носившую имя художника Павла Петровича Бенькова.

Оказавшись в Казанском Кремле, загляните в Галерею «Хазинэ», а там – в зал Казанской художественной школы. Постойте несколько минут подле «Портрета жены художника» Бенькова. Вас затянет этот бездонный омут глаз под трагическим изломом бровей, и почему-то стиснет горло от странной грусти: где ты, милое, прекрасное время, время бескрайних надежд и доверчивой юности?..

* Альфред Сислей – французский импрессионист.

** В 1991 году Республиканское художественное училище имени П. П. Бенькова было реорганизовано – имя Павла Бенькова с училища сняли, а само оно стало Республиканским художественным колледжем.